

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.344.42

Абрамов А.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК ВЫСШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТА ОБЩЕСТВА: ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ*

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к определению политической элиты и проанализированы наиболее распространенные методики выявления власти имущих. По заключению автора, определение политической элиты можно дать исключительно с позиций властного подхода, а наиболее полезным для эмпирических исследований является сочетание позиционной и функциональной исследовательских стратегий.

Ключевые слова: политическая элита, высшая политическая страта, политическая стратификация.

Вокруг политической элиты до сих пор не утихают жаркие споры. Вопрос о том, кто же те люди, которые управляют обществом и принимают судьбоносные для всех решения, всегда вызывал неподдельный интерес как рядовых граждан, так и профессионалов-политологов. Но, несмотря на обилие литературы, посвященной данной теме, единого видения указанного феномена по-прежнему не наблюдается.

Термин «элита» восходит к французскому *elite*, что обозначает «лучшее», «отборное», «избранное». Первоначально этот термин употреблялся для обозначения товаров наивысшего качества (до сих пор говорят об элитных сортах пшеницы, элитном кофе или элитных щенках), но в XVIII в. понятие стали использовать и применительно к людям – для обозначения избранных, лучших членов общества. В политической науке термин «элита» получил широкое распространение в начале XX в., благодаря трудам итальянца Вильфредо Парето.

Итак, что же такое политическая элита? В современной политологии распространено мнение, что существует **два подхода к определению политической элиты: ценностный и властный** (1, 241; 9, 168)

Суть *ценностного (аксиологического) подхода* заключается в том, что элитой называют людей,

обладающих наиболее ценными для общества качествами: профессиональным, интеллектуальным, моральным или иным превосходством. Полагая, что лишь немногие члены общества наделены «дефицитными», но нужными социуму чертами, сторонники аксиологического подхода оправдывают привилегированное положение элиты в обществе, ее господство над социумом. В этой связи адепты ценностного подхода довольно часто употребляют термин меритократия (от лат. *meritus* и греч. *kratos* – «власть достойных»).

Одним из ярких представителей данного подхода являлся Вильфредо Парето, характеризовавший элиту как людей, достигших наивысших результатов в своей области деятельности. Будучи профессором экономики, В. Парето одним из первых в политической науке применил индексный подход к исследованию феномена элитизма. «Предположим, – писал итальянский ученый, – что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам. Например, самому лучшему специалисту дается индекс 10, такому, которому не удастся получить ни одного клиента – 1, наконец, кретину – 0. Тому, кто сумел нажить миллионы (неважно, честно или нечестно), – 10, зарабатывающему тысячи лир – 6. Тому, кто едва не умирает с голода, – 1, а находящемуся в приюте нищих – 0. ... Ловкому жулику, обманывающему людей и не попадающему при этом под действие уголовного кодекса, поставим 8, 9 и 10, в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети, и количества вытянутых из них денег; нищему воришке, укравшему один столовый прибор у трактирщика и к тому же позволившему карабинерам схватить себя, дадим индекс 1... И так далее, для всех сфер деятельности человека» (8, 60).

Другим, не менее известным представителем ценностного подхода, являлся испанский философ Хосе Ортега-и-Гасет. В своей известнейшей работе «Восстание масс» он определял элиту как

* © Абрамов А.В.

достойных, внутренне дисциплинированных, аскетичных и склонных к самопожертвованию людей, противостоящих массе заурядных и серых личностей (7, 120).

Сторонники второго, *властного подхода* определяют политическую элиту как верхушку общества, обладающую властью.

Один из родоначальников теории элит, итальянский политолог Гаэтано Моска, попытался доказать неизбежное деление любого общества на две неравные по социальному положению и роли группы. В своей работе «Правящий класс» он писал: «Во всех обществах, начиная с самых средне-развитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым, причем, таким образом, который обеспечивает функционирование политической организации» (6, 118).

Крупный вклад в развитие теории политических элит в начале XX в. внес немецкий политолог Роберт Михельс, сформулировавший «железный закон олигархических тенденций», который, по его мнению, действует в любом обществе. Суть этого закона состоит в том, что развитие крупных организаций (Р. Михельс изучал Социал-демократическую партию Германии, позиционировавшую себя в начале XX в. как партию рабочих) неизбежно ведет к олигархизации управления и формированию элиты, поскольку руководство такими объединениями не может осуществляться всеми их членами. Эффективность деятельности граждан требует функциональной специализации и рациональности, выделения руководящего ядра и аппарата, представители которого неизбежно выходят из-под контроля общества и стремятся подчинить политику собственным интересам. В результате, любой, даже демократической организацией всегда правит олигархическая, элитарная группа. Верхушка, заинтересованная в сохранении своего привилегированного положения, устанавливает контакты с себе подобными, спланируется, забывая об интересах масс. Таким образом, в масштабах всего общества рядовые граждане в силу недостаточной компетентности и своего равнодушия к повседневной политической деятельности, становятся «пешками» в руках элиты (5, 194-195).

Впрочем, при внимательном изучении двух вышеназванных подходов к определению элит, становится очевидным, что *выделение их как противоположных друг другу, по крайней мере, некорректно.*

Во-первых, представители двух подходов используют различные критерии для выделения элиты: сторонники властного подхода лишь констатируют верховенство элиты, связанное с обладанием властью, в то время как представители ценностного подхода пытаются отыскать причины этого верховенства, и находят их в качествах, которыми, якобы, обладают представители высших слоев общества.

Во-вторых, определение элиты с позиций ценностного подхода выводит изучаемый феномен далеко за рамки политической сферы. Из процитированного фрагмента работы В. Парето, очевидно, что исследователь говорит о множестве элит: финансовой элите, элите воровского мира и т.п. Таким образом, в работах В. Парето элита предстает как социальный (а не только политический) феномен. Когда же итальянский ученый переходит к характеристике собственно политической элиты, он использует властный подход, подразделяя политическую элиту на правящую и неправящую. В другой классификации: дифференциации элит по доминирующим личным качествам на «лисы» и «львы» (первые характеризуются хитростью, вторые – грубой силой), В. Парето, тем не менее, указывает на то, что данные доминирующие черты характера применяются этими группировками для осуществления власти (8, 77-78). Таким образом, «наивысшим индексом деятельности» для политиков становится обладание ими властью над обществом.

Отсюда следует, что единственным и универсальным критерием для выделения политической элиты выступает обладание властью, а потому *верным представляется лишь второй, властный, подход.* Здесь вполне можно согласиться с российским исследователем Оксаной Викторовной Гаман-Голутвиной, утверждающей, что «для современных политологических исследований более операциональной является трактовка элиты как категории лиц, обладающих властью, – вне зависимости от того, какие факторы обусловили их властное положение: происхождение, финансовое состояние или личные заслуги» (2, 97).

Впрочем, констатация того факта, что политической элитой следует называть группу лиц, обладающих властью над обществом и осуществляющих общественное управление, порождает новые вопросы. Главным среди них является **проблема применения властного подхода к анализу конкретного эмпирического материала.**

Здесь можно выделить две исследовательские стратегии. В соответствии с первой – *структурной или позиционной стратегией* в политическую элиту зачисляются лица, занимающих высшие должностные позиции в наиболее значимых политических институтах: министров, парламентариев,

военачальников и т.п. Сосредоточение внимания на верхушке властной пирамиды дало основание назвать позиционную стратегию *альтиметрической* (альтиметр – высотомер; пилотажно-навигационный прибор, указывающий высоту полета).

Большинство политологов, анализирующих политические элиты конкретных стран, обращаются именно к альтиметрической стратегии в силу ее простоты. Действительно, достаточно проанализировать объективные и открытые данные о составе парламента, правительства, администрации президента и т.п., чтобы прийти к определенным выводам о составе и качестве правящей элиты.

Так, известный американский политолог Райт Миллс в ставшей скандально известной в США книге «Властвующая элита» (из-за обличительного пафоса книга в 1959 г., т.е. вскоре после написания, была издана в СССР) обращает свое внимание именно на социальные институты. В результате, ученый приходит к выводу о том, что в американском обществе «первую скрипку» играют государство, крупные экономические корпорации и армия. В соответствии с этим Р. Миллс, выделяет в американском обществе три элитные группы: экономическую, политическую и военную. Их интересы и действия переплетаются, и в результате «руководящие деятели каждой из трех областей – военная знать, главари корпораций, официальные руководители государства – сплавиваются воедино, образуя тем самым властвующую элиту Соединенных Штатов» (4, 31).

Сторонниками позиционного подхода являются и американские политологи Томас Дай и Харман Зиглер. В их совместной книге говорится: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах – в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти». Таким образом, по мнению Т. Дая и Х. Зиглера, к элите в США следует причислить ведущих политиков, крупных промышленников и финансистов, владельцев средств массовой информации, то есть тех, кто распределяет ценности внутри общества или влияет на жизнь всех граждан. В общей сложности это порядка 5 тыс чел. (12, 91).

Простота применения альтиметрического критерия делает его весьма популярным в политической компаративистике. Так, профессор Мичиганского университета Сэмюэль Элдерсфельд,

провел сравнение политических элит США, Англии, Швеции, Нидерландов, ФРГ, Италии, Франции, беря 1500 высших служащих государственного аппарата и парламентариев этих стран (11, 12-27).

Позиционного подхода к выделению элит придерживается и известный исследователь российской элиты Ольга Викторовна Крыштановская. Она относит к политической элите России лиц, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения: депутатов Федерального Собрания РФ (в т.ч. и партийных лидеров), членов Правительства РФ, Президента РФ и его ближайшее окружение, региональную и бизнес-элиты (3, 51).

Сторонники *функционалистской исследовательской стратегии* относят к политической элите лиц, принимающих важные решения. При этом, как видно, значение имеет не должность, а именно политическое влияние, что позволяет включить в состав правящей верхушки людей, находящихся в «тени» и не занимающих видных общественных постов.

В отличие от структурного подхода выявить непубличных представителей элиты довольно трудно, поэтому политологи, придерживающиеся функционалистской стратегии, вынуждены использовать различные социологические приемы, такие как:

- метод самооценки (элита выявляется в ходе опроса представителей власти путем самозачисления);

- контент-анализ (состав элиты определяется, исходя из упоминаемости фамилий политиков в прессе);

- метод репутационного анализа (элита выделяется с помощью опроса экспертов);

- метод анализа принятия решений (событийный метод) – элита выделяется путем анализа механизма принятия стратегических решений.

Метод репутационного анализа (одним из первых его использовал американский политолог Ф. Хантер для изучения властных отношений в Атланта) является наиболее распространенным. Многочисленные рейтинги «наиболее влиятельных политиков», регулярно публикуемые в различных газетах и журналах, яркое тому подтверждение. На основе публикаций такого рода, американский социолог Ш. Ривера написал работу о формировании состава российской посткоммунистической элиты (10, 61-66).

Событийный метод разработал Р. Патнем, автор работы «Сравнительное исследование политических элит» (13), а сторонником его применения в России является отечественный политолог О.В. Гаман-Голутвина (2, 99).

Рассмотрев две вышеизложенные исследовательские стратегии можно заметить, что функ-

ционалистская техника выявления элиты способна дать более точные сведения о составе власти и имущих. Однако методика выявления «теневых» руководителей, к сожалению, страдает нечеткостью и субъективизмом: метод экспертного анализа зависит от квалифицированности и уровня знаний экспертов; метод анализа принятия решений сложен из-за того, что на принятие решений могут оказывать влияния множество людей – экспертов, спичрайтеров, чиновников и пр.; метод самооценки вообще крайне субъективен. В этой связи структурная (альтиметрическая) стратегия представляется инструментом, хотя и более грубым, но более строгим в научном плане.

В целом же, обе стратегии можно успешно сочетать. Например, в первом приближении использовать альтиметрический инструментарий, а уточнять и конкретизировать состав элит с помощью функционалистской техники.

Обобщение вышеизложенного позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Определение политической элиты можно дать исключительно с позиций властного подхода. Ценностный (аксеологический) подход используется при анализе элиты вообще и не вполне «работает» применительно к властному меньшинству. Само наличие двух подходов является своеобразным отголоском дискуссии позитивистов и антипозитивистов. Первые, как известно, избегали ответа на вопрос «почему», предпочитая констатацию того или иного факта. А ценностный подход как раз и заключается в ответе на вопрос «почему»: элитой становятся определенные люди, потому, что они обладают исключительно важными, ценными качествами. Властный же подход констатирует наличие особой страты (слоя) общества, обладающей властью и сосредоточившей в своих руках рычаги управления обществом. Таким образом, можно сформулировать следующее рабочее определение политической элиты: политическая элита – это высшая страта общества; совокупность лиц, принимающих важнейшие для всей страны решения, в силу занятых ими ведущих позиций во властных институтах.

2. Различные исследовательские стратегии позволяют провести дальнейшую дифференциацию властного меньшинства общества. Используя альтиметрическую методику, можно выделить лиц, занимающих ведущие посты (должности) во властных институтах: парламентариев, министров, сотрудников администрации президента и т.п.; а, применяя другие стратегии – контент-анализ материалов СМИ и/или экспертные опросы политологов и политиков и/или событийный подход, – выделить из состава политической элиты «элиты элиты», играющую решающую роль в разработке политического курса страны.

Как представляется, данные выводы могут послужить основой для дальнейшего эмпирического исследования политической элиты современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М., 2001.
2. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – № 3.
3. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1.
4. Миллс Р. Властвующая элита. – М., 1959.
5. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
6. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
7. Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. – № 3.
8. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 тт. – Т. 2.
9. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1996.
10. Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. – 1995. – № 6.
11. Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократическая теория // Политическая наука: проблемно-тематический сборник. – М., 1998. – Вып. 4. Элиты в сравнительно-исторической перспективе.
12. Dye T. and Zeigler H. The irony of democracy. – Belmont, 1991.
13. Putnam R. The comparative study of political elites. – N.-Y., 1976.

A. Abramov

POLITICAL ELITE AS THE SUPREME POLITICAL GROUP OF SOCIETY: APPROACHES AND RESEARCH STRATEGY

Abstract: Approaches to definition of political elite are considered and the most widespread techniques of revealing of the might of this world are analyzed in this article. On the conclusion of the author, definition to the "political elite" can be given exclusively from positions of the imperious approach, and the most useful to empirical researches is the combination of item and functional research strategy.

Key words: political elite, the supreme political group of society, political stratification.